

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-2-88-104

Оригинальная исследовательская статья

Original research article

Символизм священника Павла Флоренского в контексте его биографии

О.Т. Ермишин

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена метафизическому учению священника Павла Флоренского о символах как основе его религиозно-философского мировоззрения. Автором исследован символизм П.А. Флоренского на примере его воспоминаний и нескольких философских работ 1918–1922 годов («Философия культа», «У водоразделов мысли»). «Конкретная метафизика» и оригинальное понимание платонизма рождаются у Флоренского на основе личного опыта и духовных поисков истины. В статье рассмотрены его идейные и дружеские связи с символистами, точки пересечения и расхождения с А. Белым в ранний период становления Флоренского как мыслителя (1904–1905), неудачная попытка диалога с Д.С. Мережковским, сближение и общение с Вяч.И. Ивановым. Увлечение литературным символизмом стало импульсом для дальнейших исследований Флоренского в области религиозных символов. В поздний период он изучал символы как важную часть культа, культуры, метафизики и философии, т.е. как универсальные идеи, непосредственно влияющие на человека, его жизнь и сознание. По мнению Флоренского, символы в самом высшем и чистом виде даны в религиозном культе, в таинствах, система которых подробно описана в «Философии культа». Он полагал, что таинства образуют процесс взаимодействия между высшей реальностью и земной действительностью, связь между жизненными явлениями и их «абсолютным корнем»: «естественное» переходит в «сверхъестественное». Автор обосновывает, что в «Философии культа», разработав «дедукцию семи таинств», Флоренский представил свою последнюю версию символизма, основанную на метафизической интерпретации религиозных символов.

Ключевые слова: история философии, русская философия, русская религиозная философия, символизм, метафизика, антроподия, теодиция, платонизм, христианство.

Ермишин Олег Тимофеевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

oleg_ermishin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6831-1628>

Для цитирования: Ермишин О.Т. Символизм священника Павла Флоренского в контексте его биографии // Философские науки. 2025. Т. 68. № 2. С. 88–104. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-2-88-104

Symbolism of Priest Pavel Florensky in the Context of His Biography

O.T. Ermishin

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Abstract

The article examines the metaphysical doctrine of priest Pavel Florensky concerning symbols as the foundation of his religious-philosophical worldview. The author investigates Florensky's symbolism through analysis of his memoirs and several philosophical works from 1918–1922 (*Philosophy of Cult* and *At the Watersheds of Thought*). Florensky's "concrete metaphysics" and original understanding of Platonism emerged from his personal experience and spiritual quest for truth. The article discusses Florensky's ideological and personal connections with Symbolists, his points of convergence and divergence with Andrei Bely during Florensky's early intellectual development (1904–1905), his unsuccessful attempt at dialogue with Dmitry Merezhkovsky, and his rapprochement and communication with Vyacheslav Ivanov. His fascination with literary symbolism became the impetus for Florensky's further investigations into religious symbols. In his later period, he studied symbols as an essential component of cult, culture, metaphysics, and philosophy – as universal ideas directly influencing humanity, human life, and consciousness. According to Florensky, symbols in their highest and purest form are presented in religious

cult and sacraments, the system of which is elaborated in *Philosophy of Cult*. He maintained that sacraments constitute a process of interaction between higher reality and earthly actuality, a connection between life phenomena and their “absolute root”: the “natural” transitions into the “supernatural.” The author argues that in *Philosophy of Cult*, by developing the “deduction of the seven sacraments,” Florensky presented his final version of symbolism based on a metaphysical interpretation of religious symbols.

Keywords: history of philosophy, Russian philosophy, Russian religious philosophy, symbolism, metaphysics, anthropodicy, theodicy, Platonism, Christianity.

Oleg T. Ermishin – D.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Research Fellow at the Research Center of Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

oleg_ermishin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6831-1628>

For citation: Ermishin O.T. (2025) Symbolism of Priest Pavel Florensky in the Context of His Biography. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 2, pp. 88–104.
DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-2-88-104

Введение

В 2021 году вышла моя статья «Священник, философ и богослов Павел Флоренский в восприятии поколений» [Ермишин 2021], посвященная памяти игумена Андроника (Трубачева). Она завершается размышлением о том, что истоками для философии П.А. Флоренского послужили его детские впечатления и особенности жизненного восприятия со ссылкой на первый том монографии игумена Андроника (Трубачева) «Путь к Богу» [Андроник 2012]. В частности, я цитировал воспоминания Флоренского: «Для меня не было спокойных восприятий – таковые вовсе не доходили до моего сознания, всегда занятого чем-нибудь чрезвычайно интересным. Каждое восприятие связывается с другими, и само собой в уме строится какая-то система» [Флоренский 1992, 86]. Далее Флоренский признавал: «Воистину я ничего нового не узнал, а лишь “припомнил” – да, припомнил ту основу своей личности, которая сложилась с самого детства или, правильнее говоря, была

исходным зерном всех духовных произрастаний, начиная с первых проблесков сознания» [Флоренский 1992, 153]. Из этого признания можно сделать очевидный вывод: первоначальную мировоззренческую систему, которая сформировалась еще в детстве, он впоследствии осознал как платонизм и философский символизм.

В отношении философского символизма Флоренского уже сложилась научно-исследовательская традиция. Разные авторы рассматривают символ как центральную идею в философии Флоренского, обращая внимание на ее отдельные аспекты. Первый шаг еще в советский период сделал С.С. Хоружий, написав в 1974 году книгу «Миросозерцание Флоренского» [Хоружий 1999]. Ее фрагменты впервые опубликованы в статье под названием «Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки» [Хоружий 1988]. Краткое сопоставление символизма П. Флоренского и А. Белого сделано в диссертации Э.С. Мусаевой «Философия символа в творчестве П.А. Флоренского» [Мусаева 1999]. Большое значение имеет подготовленный Е.В. Ивановой сборник «Павел Флоренский и символисты», в котором собраны и прокомментированы все тексты об отношении Флоренского к литературному символизму [Павел Флоренский и символисты... 2004]. Из книг последних лет можно отметить монографию итальянского исследователя А. Оппо «Антиномия и символ» [Оппо 2024], в которой антиномизм и символизм понимаются в качестве центральных концепций, сформировавших взгляды Флоренского в разных сферах научного знания (от математики до конкретной метафизики и эстетики). Перечисление статей, в которых упоминается понятие символа в философии Флоренского, заняло бы ни одну страницу, но при всех верных его оценках отдельные аспекты символизма остались не вполне проясненными. Исследователи традиционно выделяют связь символизма с биографией, личным оригинальным мировоззрением Флоренского (например, С.С. Хоружий) и внутренней диалектикой его мысли (большинство авторов).

Действительно, Флоренский обладал особым восприятием жизни, благодаря которому из множества внешних впечатлений он сформировал сначала оригинальное мировоззрение и затем раскрыл его в философских трудах. Легко заявить такую схему

личного развития, однако гораздо сложнее понять, как это последовательно и конкретно происходило. Основой исследования могут служить и воспоминания, лекции, научные работы Флоренского, и некоторые размышления игумена Андроника (Трубачева) в его монографии «Путь к Богу».

Метафизическое мировоззрение священника

Павла Флоренского и его основы

В воспоминаниях Флоренского содержится тезис о том, что «первые детские впечатления определяют дальнейшую внутреннюю жизнь» [Флоренский 1992, 31]. Исходя из первых впечатлений детства, Флоренский нарисовал почти философскую картину: «Это весьма твердое, органическое убеждение в мистическом “есть” при противоречии ему эмпирического “кажется”» [Флоренский 1992, 33]. Такой мгновенный переход от описания детского восприятия к философскому мировоззрению трудно объяснить. Вероятно, можно согласиться с игуменом Андроником (Трубачевым), который предлагал при рассмотрении Флоренского отказаться от привычного научного деления на «философию» и «богословие», поскольку «наиболее объективным определением отца Павла является именование его мыслителем и исследователем» [Андроник 2012, 10]. Следует понять мысленные миры, которые создавал Флоренский в течение жизненного пути. Как известно, один из этих миров получил символическое название «теодицея», другой – «антроподицея». Оба мира мысли уходят корнями в исходное метафизическое мировоззрение, которое необходимо описать, а не ограничиваться краткими определениями.

Еще в детстве Флоренский понял, что, говоря философским языком, за «феноменами» есть «ноумены» (за «кажется» скрывается то, что «есть», или, иными словами, есть «истина»). Очень важно отметить, что он представлял это не как отвлеченную метафизическую схему, а переживал как непосредственное ощущение. Именно из этого живого ощущения рождается впоследствии то, что он назвал «конкретной метафизикой». Иначе говоря, философская «конкретность» органически вытекала из детского мироощущения, обращенного к таинственности мира (сам Флоренский называл «особенным» то измерение бытия, которое

научился понимать еще в детстве). В ранние годы таинственное («особенное») открылось ему в созерцании моря, исследовании его жизни. В воде он увидел сущность, которая открылась ему как единство мира: «Различное по виду, однако едино по сущности» [Флоренский 1992, 48]. Флоренский дал «ноумену», увиденному в водной стихии, определение «метафизическое море», а позднее слышал прибой этого «моря» в «отбегаящих ритмах баховских фуг и прелюдий» [Флоренский 1992, 50]. Неслучайно большую часть своего курса лекций «Первые шаги философии» он посвятил именно Фалесу, создавшему учение о воде как единой универсальной субстанции [Флоренский 2007]. Завершением его лекций по античной философии стали курсы, посвященные платонизму и неоплатонизму. Таким образом, философское развитие Флоренского началось с усмотрения в «море» единой сущности, чтобы в дальнейшем пройти своим путем к оригинальной интерпретации платонизма и созданию «конкретной метафизики».

В чем заключается разгадка этой «конкретности», если она не имеет чисто рационального происхождения? Флоренский много размышлял об истоках своей метафизики. Например, в воспоминаниях он пишет: «Ребенок владеет абсолютно точными метафизическими формулами всех запредельностей» [Флоренский 1992, 74]. Острая восприимчивость дала ему еще в детстве тот опыт вечных сущностей, который затем нашел отражение, пусть и неполное, в его философии, богословии, метафизике. В данном случае можно согласиться с мнением игумена Андроника относительно того, что обычная научная классификация не соотносится с тем, чем занимался Флоренский, и необходимо рассматривать его исследования с точки зрения целостного опыта и мировоззрения.

Для Флоренского была несомненной целостность бытия, которая охватывала весь мир, включающий в себя все зрительные формы, звуки и запахи, т.е. не только внешне видимый мир. Чтобы понять скрытую сущность мира, Флоренский еще в детстве стал активным исследователем. О своем восприятии мира он писал следующее: «Весь мир жил, и я понимал его жизнь» [Флоренский 1992, 86]. Такое живое и целостное восприятие мира Флоренский назвал «мистическим». Кроме того, он выдвинул тезис, который впослед-

ствии стал основой его будущих исследований: «Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла все мышление и определила основной характер его» [Флоренский 1992, 99]. Несложно догадаться, что в дальнейшем у него произошел естественный переход от созерцания «корней вещей» к картине мира, которая определяется «идеями» Платона и платонизмом в оригинальной интерпретации.

Обращение к платонизму не было для Флоренского лишь проекцией личного мировоззрения на философию, освященную именем Платона. Платонизм стал для него универсальной («общечеловеческой») философией, имеющей в качестве основы религиозное мировоззрение, в противоположность безрелигиозным и внерелигиозным философским учениям. Другими словами, платонизм есть «настоящая» философия, а остальное – ненастоящее, искусственное, придуманное. Однако это убеждение пришло к Флоренскому не путем рациональных рассуждений, а сформировалось на базе жизненного опыта, начиная с детства. Важным этапом в накоплении этого опыта стало увлечение наукой и научным исследованием мира, которое дало Флоренскому методологию и внимание к деталям. Затем, как известно из воспоминаний Флоренского, случился «обвал» научного мировоззрения. Начался поиск нового пути, и он привел в Московскую духовную академию, к богословию и религиозной философии. «Особенное», которое Флоренский прежде всего искал в научном познании мира, открылось в религии. Его мысль, пройдя научную школу, оказалась подготовленной к тому, чтобы понять религию как основу своей личности, открыть в ней новые темы и объекты для исследований. Можно даже утверждать, что он создал собственный вариант синтеза науки и религии, нашел новый научный подход к религиозной тематике.

Итогом его религиозно-философских исследований стали конкретная метафизика, теодицея и антроподицея. Сравнивая истоки метафизики, заложенные в личном жизненном опыте Флоренского, и результаты исследований, оформленные в его работах «Философия культа» и «У водоразделов мысли», можно сформулировать ряд предварительных выводов. Если изначально-

но, еще в детстве, он соотносил свое мировоззрение с понятием символа, то в поздних философских работах создает метафизику, построенную на идее символа.

Для обоснования конкретной метафизики Флоренский обратился к изучению различных сфер: духовного строения человека, языка, мысли, религиозного культа. Его исследования стали основой создания философского учения, которое не только религиозно оправдывает человека (прямое назначение антроподицеи), но и включает в себя оригинальную концепцию символа. Познание должно всегда исходить из реальности, открывающейся человеку через символы. В противном случае мыслитель обрекает себя на иллюзионизм. По определению Флоренского, символы «суть органы нашего общения с реальностью. Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано до тех пор от нашего сознания. Изображением мы видим реальность, а именем – слышим ее; символы – это отверстия, пробитые в нашей субъективности» [Флоренский 1999, 367].

В поиске «особенного», того, в чем можно найти ответ иного мира, Флоренский пришел к понятию символа. Иначе говоря, созерцая и изучая с самого детства конкретную символику окружающей жизни, он создал концепцию, которая по своей сути является философским символизмом. С одной стороны, Флоренский пишет в воспоминаниях о «круге» жизни, в котором прошел путь от раннего детства к науке и философии, чтобы затем снова оказаться «на старом месте». С другой – он признает: «Всю свою жизнь я думал, в сущности, об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это – вопрос о символе» [Флоренский 1992, 153]. Символическое миропонимание, которое заложено в детстве, послужило в дальнейшем фундаментом философских размышлений Флоренского вокруг проблемы символа. Достаточно привести его откровенное признание «И я всегда был символистом» [Флоренский 1992, 154], чтобы задать вопрос о том, что общего у этого человека было с литературными символистами, его современниками (А. Белым, Вяч. Ивановым, Д. Мережковским и др.).

Символизм священника Павла Флоренского и литературный символизм

В 2004 году вышло упомянутое выше издание «Павел Флоренский и символисты», посвященное отношениям и идейным связям между Флоренским и литературными символистами. Во вступительной статье составитель сборника Е.В. Иванова пишет о том, что его отношения с символистами «представляют малоизученную область как его биографии, так и истории русского символизма» [Павел Флоренский и символисты... 2004, 7]. Поэтому главная задача подготовленного издания – «осветить самый ранний этап формирования теории символа Флоренского, протекавший под знаком сближения с русским символизмом как литературным течением» [Павел Флоренский и символисты... 2004, 7–8]. Началом сближения стал конец 1903 года, когда произошло знакомство Флоренского с А. Белым. В сборник включена переписка Флоренского и А. Белого в 1904–1906, 1910, 1914 годах.

Письма 1904 года дают представление о том, что П. Флоренский и А. Белый в первый год после знакомства воспринимали друг друга единомышленниками, объединенными общностью религиозных переживаний. Флоренский писал о своих мистических снах, предлагал создать духовный «орден» и издавать журнал для развития общих идей. А. Белый делился религиозными размышлениями, обещал писать для журнала новые стихотворения. Флоренского в большей степени интересовала теория символа. Ей он задумал посвятить объемную работу и сообщил об этом в письме А. Белому 14 июня 1904 года из Тифлиса: «Я понемногу готовлюсь к написанию большого сочинения мистического и теоретико-познавательного, по теории познания, построенной на понятии символа» [Павел Флоренский и символисты... 2004, 457]. В записной книжке Флоренского представлена запись от 12 июня 1904 года, которая содержит план сочинения «О символизме»: «I. Анализ сознания. II. Познание как акт создания. Единство функций создающих и их многообразности. Представления» [Павел Флоренский и символисты... 2004, 348]. Далее Флоренский перечислил центральные темы исследования, среди них – «дедукция и оправдание законов символов», «закон постоянства символов, т.е. нормативные правила для создания “новых” симво-

лов» [Павел Флоренский и символисты... 2004, 348] и т.д. Таким образом, в 1904 году он сделал первые шаги к разработке философского символизма, который понимал как законы, создающие символы, осуществляющие связь новых символов с прошлым, историей и традицией.

В письме А. Белому от 18 июля 1904 года Флоренский продолжал делиться планами: «Один из основных тезисов того сочинения о символах, которое я пишу, есть тот, что символы не есть что-нибудь условное, создаваемое нами по капризу или прихоти. Символы строятся духом по определенным законам и с внутренней необходимостью, и это происходит всякий раз, как начинают особенно живо функционировать некоторые стороны духа. Символизирующее и символизируемое не случайно связываются между собою» [Павел Флоренский и символисты... 2004, 463]. К сожалению, работа «О символизме» не была написана. Это, вероятно, связано с тем, что уже с сентября 1904 года Флоренский начал учиться в Московской духовной академии, сентябрь и октябрь 1904 года он полностью посвятил написанию 200-страничной рукописи о метафизике Оригена, впервые опубликованной в 2005 году и включенной в издание 2007 года об античной философии [Флоренский 2007]. Следовательно, единственной публикацией о проблеме символа в 1904 году стала его статья «О символах бесконечности», отражающая первоначальный подход к понятию символа. В ней проанализирована теория множеств Г. Кантора. С учетом данной теории Флоренский, получивший базовое математическое образование, планирует будущий путь к обоснованию религиозно-философского мировоззрения. Он исследует числовые символы, связанные с мышлением и носящие универсальный всеобъемлющий смысл, особенно выделяя то, что Г. Кантор называет «трансфинитные числа», которые «являются символами для познания Бесконечного» [Флоренский 1994, 109]. Само по себе такое сочетание математики и гносеологии предполагает обоснование символизма как метода, направленного на познание объективной реальности. Между тем в литературном символизме, в том числе сочинениях А. Белого, практически всегда присутствует субъективный элемент мистического мировосприятия. Достаточно сравнить стиль мышления и формы изложения Флоренского и

А. Белого, чтобы увидеть разницу в их мировоззрении. Неслучайно зимой 1904–1905 годов у них появились «разногласия», о которых идет речь в письме мыслителя от 15 июля 1905 года. Тем не менее Флоренский обратил внимание на то, что разногласия в «результатах» не исключают «одинаковость наших основных настроений (сказочность) и исходных пунктов развития» [Павел Флоренский и символисты... 2004, 468]. Под «результатами», вероятно, подразумевались тексты в печатных изданиях. В статье «О символах бесконечности» Флоренский указывает на то, что идеи математика Г. Кантора «примыкают к философии религии» [Флоренский 1994, 120], а «идея трансфинита предполагает уже идею Абсолюта» [Флоренский 1994, 122].

А. Белый в статье «Символизм как миропонимание», увидевшей свет в журнале «Мир искусства», обосновал собственное понимание символизма преимущественно на отрицании научного позитивизма, опираясь на философию А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. По его мнению, Шопенгауэр «не только обосновал в противовес методу логическому метод символический, но и предоставил возможность в будущем придать все значение этому методу» [Белый 1994, 204]. Под «будущим», вероятно, он имел в виду себя, приняв эстафету от Шопенгауэра и предложив личную интерпретацию символического метода. Критикуя логический позитивизм, он заявил о том, что, если философия находится в кризисе, то ее должны заменить искусство и музыка, которая «идеально выражает символ» [Белый 1994, 207]. Для выражения символов искусству следует искать новые способы и формы. Одна из форм мышления – афористический стиль, продемонстрированный Ф. Ницше. Поэтому, как утверждал А. Белый, афоризм – «мост к символу» [Белый 1994, 213]. Подражая Ницше, А. Белый играет образами и метафорами, дает целый ряд четко сформулированных тезисов, наставляя на то, что необходимо отказаться от логической системы взглядов. Он заявлял: «Если символ – окно в Вечность, то система символов не может казаться непрерывной, как система догматизма и критицизма, где все связано логической формой. Это ряд прерывных образов, раскрывающих разные стороны единого» [Белый 1994, 212]. Следовательно, Флоренский прав, говоря об «исходных пунктах развития». Его направление мысли отличается

от пути, выбранного А. Белым, утверждавшим, что идея вечного возвращения Ницше – это «идеальный символ, к которому, как к фокусу, сходятся лучи ницшеанства» [Белый 1994, 217].

В один из приездов Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус в Москву, в апреле 1905 года, состоялось знакомство Флоренского с ними через А. Белого. Но оно не получило продолжения и эпистолярного выражения. В архиве сохранилось только два неоконченных и, вероятно, неотправленных письма Флоренского, адресованных Мережковскому. Из содержания одного из этих писем становится ясным, что причиной критического отношения Флоренского к Мережковскому и Гиппиус было принципиальное расхождение по вопросу об отношении к исторической Церкви и созданию новой церкви, о которой мечтали деятели «нового религиозного сознания» в Петербурге.

Гораздо больше общего было у Флоренского с известным символистом Вяч. Ивановым. Интенсивное дружеское общение с ним началось в 1913 году, после его переезда в Москву. Однако в это время Флоренский достаточно сдержанно и умеренно критически стал относиться к теориям литературного символизма. В письме к Вяч. Иванову от 1 апреля 1914 года он сообщает: «И как досадно читать статьи вроде “О границах искусства”, где глубокое знание творчества комкается. В.И. (т.е. Вячеслав Иванов, адресат письма. – О. Е.) многократно подходит к одним и тем же вопросам в разных своих статьях и статейках и, как ленивый и лукавый раб, ограничивается каждый раз заметками из записных книжек» [Переписка Вяч. Иванова... 1999, 100]. Такая характеристика объясняет общее отношение Флоренского к теориям литературного символизма. В это время издана его книга «Столп и утверждение Истины», он нашел собственный философский стиль и метод, сочетающий религиозное мировоззрение и фундаментальную научность.

Проблема символа в антроподицее священника Павла Флоренского

Тема статьи не получит завершенности, если не рассмотреть, каким образом понимал Флоренский проблему символа в поздний, зрелый период, работая над «Философией культа (опытом православной антроподицеи)» (1918–1922). Нужно учитывать, что его «конкретная метафизика» уже получила общую и достаточно

точную характеристику С.С. Хоружего: «Нет никаких отвлеченных духовных сущностей или абстрактных идей, ибо духовный предмет всегда конкретен, т.е. выражен в чувственном, явлен пластично и зримо. И нет никаких эмпирических явлений, ибо всякое явление есть выявление духовной сущности, чувственный облик определенного ноумена. Таким образом, ноумен и феномен взаимно доставляют точное выражение друг друга, образуя неразделимое двуединство, которое, по определению, есть символ» [Хоружий 1988, 183]. Следовательно, лучше обратиться к анализу отдельных деталей, которые не только показывают, чем концепция Флоренского отличается от теорий литературного символизма, но и то, что по-настоящему делает ее оригинальной.

В 1908–1909 годах, занимаясь подготовкой лекционных курсов «Введение в историю античной философии» и «Первые шаги философии» [Флоренский 2007], Флоренский проштудировал труд бельгийского ученого Э. Гобле д'Алвиелла «Миграция символов» («La Migration des symboles», 1891). Рассмотрев религиозную символику в эволюции античной культуры, Флоренский в 1910 году сделал следующий общий вывод: «Закон концентрации символов, сюжетов, терминов и научных теорий заключается в том, что раздельные символы etc. имеют тенденцию сливаться, сочетаться в сложные, многообразные группы, причем противоречивость или во всяком случае несходность символов etc. уравнивается, “темпераируется”. Исходя из разных исходных пунктов, люди строят отдельные символы, сюжеты, теории; но затем построенное пытаются объединить, совокупить, устанавливают общую, несколько неопределенную точку зрения, и эта последняя, в силу своей неопределенности, лишает каждый из символов etc. его первичной отчетливости и строгости (четкости)» [Флоренский 2004, 424–425]. Флоренский же стремился, анализируя общую религиозно-мифологическую картину, определить смысл и значение каждого символа. Разработка данного метода дала ему возможность позднее применить его к исследованию православного культа.

В «Философии культа» Флоренский представил версию символизма, которая включает в себя не только анализ культа, но и общее понимание философии, ее предназначение. Он утверж-

дал: «Философия самим существом своим есть не что иное, как уразумение и осознание умного, горнего, пренебесного, трансцендентного мира, но мы знаем его, этот мир, только как культ, как воплощение горнего мира в наших конкретных символах» [Флоренский 2004, 109]. Таким образом, интерпретация платонизма, ранее разработанная Флоренским в «Смысле идеализма» (1915), стала основой для философского исследования культа, в котором символы даны в наиболее чистом, незамутненном виде, когда высшая реальность воспринимается человеком через таинства. Для Флоренского в познании «трансцендентного мира» существует несколько уровней: внешние символы в храме, иконостас как картина высшей реальности, молитва (словесное служение), богослужение, обряды, таинства. «Дедукция семи таинств» есть завершение философского символизма, обретение того, что Флоренский называл «равновесие личности», т.е. таинства имеют не только онтологический смысл, но и конкретные практические цели.

Флоренский полагал, что таинства – это не только символы, воспринимаемые человеком. Они образуют процесс взаимодействия между высшей реальностью и земной действительностью. Этот процесс происходит следующим образом: «Таинство выделяет явление из среды, окружающей его, обособляет от повседневного» [Флоренский 2004, 187]. Сначала выделенный феномен воспринимается как эстетический, затем – как религиозный, «естественное» переходит в «сверхъестественное», и в итоге образуется связь между жизненными явлениями и их «абсолютным корнем» (по определению Флоренского, а, согласно терминологии Платона, их «идеей»). «Корни явлений» – то «особенное», которое Флоренский научился видеть еще в детстве. В зрелом возрасте он нашел для «особенного» новые философские определения: «Μυστήρια, вещи таинственные, не имеют внешнего знака на себе и потому, хотя и выделенные метафизически, однако, остаются слитными эмпирически. Но культ есть метафизически-эмпирическое явление, и потому в самом эмпирическом его сложении должно быть нечто, что не только метафизически, но и в восприятии нашем разобщает его с миром» [Флоренский 2004, 191]. В этом отделении от мира содержится сущность таинства, которое, с философской точки

зрения, есть «трансцендентное», но вместе с тем воспринимается человеком как символ. Человек, опираясь на личный опыт, может сформировать вокруг религии систему символов. Однако «абсолютный корень» религии всегда остается неопределимым, т.е. философия культа не может получить логического завершения, а есть лишь последовательное философское описание таинств и их связи с миром символов.

Заключение

Священник Павел Флоренский прошел в жизни и философии долгий путь духовных исканий. Символизм стал первоначальным ориентиром в его поиске истины, которая постепенно открылась для него в христианстве и философии культа. Он с большим интересом относился к идеям символистов, его современников. Однако, если символисты в основном остались в рамках эстетики и философии творчества, находя связь между искусством и жизнью, то Флоренский вышел за границы теорий, характерных для эпохи Серебряного века, и создал оригинальную концепцию символизма, объединившую для него личное религиозное мировоззрение с метафизикой, богословием и наукой. С одной стороны, «теургия» и «жизнетворчество» символистов дали Флоренскому материал для размышлений, с другой – его личный религиозный опыт и фундаментальный подход к исследованиям привели к принятию священства и «философии культа», которая основана на метафизической интерпретации символов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андроник 2012 – Андроник (Трубачев), игум. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского: в 6 кн. Кн. 1. – М.: Городец, 2012.

Белый 1994 – Белый А. Символизм как миропонимание // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. С. 203–220.

Ермишин 2021 – Ермишин О.Т. Священник, философ и богослов Павел Флоренский в восприятии поколений (в русской эмиграции и России) // Философские науки. 2021. Т. 64. № 3. С. 116–136.

Мусаева 1999 – Мусаева Э.С. Философия символа в творчестве П.А. Флоренского: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1999.

Павел Флоренский и символисты... 2004 – Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Переписка Вяч. Иванова... 1999 – Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования / отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. – М.: Русские словари, 1999. С. 93–120.

Флоренский 1992 – *Флоренский П., свящ.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. – М.: Московский рабочий, 1992.

Флоренский 2007 – *Флоренский П.А.* Из истории античной философии. – М.: Гуманитарий, 2007.

Флоренский 1994 – *Флоренский П., свящ.* О символах бесконечности // *Флоренский П., свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1994. С. 79–128.

Флоренский 1999 – *Флоренский П., свящ.* У водоразделов мысли. Ч. 1 // *Флоренский П., свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1) / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1999.

Флоренский 2004 – *Флоренский П., свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). – М.: Мысль, 2004.

Хоружий 1999 – *Хоружий С.С.* Миросозерцание Флоренского. – Томск: Водолей, 1999.

Хоружий 1988 – *Хоружий С.С.* Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки // Историко-философский ежегодник / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. – М.: Наука, 1988. С. 180–201.

Oppo 2024 – *Oppo A.* Antinomy and Symbol. Pavel Florensky's Philosophy of Discontinuity. – Leiden; Boston: Brill, 2024.

REFERENCES

Andronik (Trubachev) (2012) *The Path to God. Personality, Life and Work of Priest Pavel Florensky* (Books 1–6; Book 1). Moscow: Gorodets (in Russian).

Bely A. (1994) Symbolism as a World Understanding. In: Bely A. *Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism* (Vols. 1–2; Vol. 2, pp. 203–220). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Ermishin O.T. (2021) Priest, Philosopher, and Theologian Pavel Florensky in the Perception of Generations (in the Russian Emigration and Russia).

Russian Journal of Philosophical Sciences = *Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 3, pp. 116–136 (in Russian).

Florensky P.A. (1992) *To My Children. Memories of Past Days*. Moscow: Moskovskiy rabochiy (in Russian).

Florensky P.A. (1994) On the Symbols of Infinity. In: Florensky P.A. *Works in 4 Vols.* (Hegumen Andronik (A.S. Trubachev), P.V. Florensky, & M.S. Trubacheva, Eds.; Vol. 1; pp. 79–128). Moscow: Mysl' (in Russian).

Florensky P.A. (1999) At the Watersheds of Thought. Part 1. In: Florensky P.A. *Works in 4 Vols.* (Hegumen Andronik (A.S. Trubachev), P.V. Florensky, & M.S. Trubacheva, Eds.; Vol. 3(1)). Moscow: Mysl' (in Russian).

Florensky P.A. (2004) *Collected Works. Philosophy of Cult (An Experience of Orthodox Anthropodicy)*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Florensky P.A. (2007) *From the History of Ancient Philosophy*. Moscow: Gumanitarniy = Humanist (in Russian).

Horujy S.S. (1988) Florensky's Philosophical Symbolism and Its Life Sources. In: Motroshilova N.V. (Ed.) *Historical and Philosophical Yearbook* (pp. 180–201). Moscow: Nauka (in Russian).

Horujy S.S. (1999) *Florensky's Worldview*. Tomsk: Vodoley (in Russian).

Ivanov V.I. (1999) Correspondence of Vyacheslav Ivanov with Priest Pavel Florensky. In: Gogotishvili L.A. & Kazaryan A.T. (Eds.) *Vyacheslav Ivanov. Archival Materials and Research* (pp. 93–120). Moscow: Russkie slovari (in Russian).

Ivanova E.V. (Ed. & Comp.) (2004) *Pavel Florensky and the Symbolists. Literary Experiments. Articles. Correspondence*. Moscow: Yazyki slavyan-skoj kultury (in Russian).

Musaeva E.S. (1999) *The Philosophy of Symbol in the Work of P.A. Florensky* (dissertation). Moscow (in Russian).

Oppo A. (2024) *Antinomy and Symbol. Pavel Florensky's Philosophy of Discontinuity*. Leiden: Brill.